

Введение

Однажды вечером, уже на излете изобильного торжественного банкета, организованного в Лондоне для высокопоставленных представителей стран Содружества, Уинстон Черчилль вдруг заметил, как кто-то из гостей утаскивает со стола бесценную серебряную солонку из набора для специй. Указанный джентльмен засунул драгоценный предмет под смокинг и невозмутимо направился к двери.

Что делает Черчилль?

Его, находящегося между молотом верности своим обязанностям хозяина и наковальной желанием избежать неприятных осложнений, осеняет блестящая мысль. Поскольку времени терять нельзя, он быстро хватает другую вещь из набора — серебряную перечницу — и засовывает в карман собственного пиджака. Затем, подойдя к «подельнику», неохотно вынимает «украденное» и ставит перед ним.

«Думаю, нас заметили, — шепчет он. — Лучше положить на место...»

Стюардесса: «Пожалуйста, пристегните ремни перед взлетом».

Мухаммед Али: «Я — Супермен. Супермен не нуждается ни в каких ремнях!»

Стюардесса: «Так Супермен и ни в каких самолетах не нуждается!»

Никаким калачом

Сырой декабрьский вечер в Северном Лондоне, шесть часов. Двое мужчин сидят за стойкой бара в Кэмден-Тауне. Приканчивают свое пиво, ставят кружки на стойку и смотрят друг на друга. Еще по одной? Не вопрос, почему нет? Сами пока не зная этого, они вот-вот опоздают на ужин, о котором заранее договорились. В индийском ресторане на другом конце города, ожидая их, сидит другой человек. Небрежно одетый, с явными признаками паркинсонизма, он вертит что-то в дрожащей руке, чувствуя себя бесконечно усталым. На нем новый яркий галстук, купленный

специально по этому случаю, и он потратил полчаса, чтобы его завязать. На галстук рисунк — плюшевые медвежата.

Воскресенье. Человек в ресторане наблюдает, как в полутьме внезапный ливень швыряет пригоршни воды в тускло освещенные окна. Сегодня у его сына день рождения. В баре в Кэмден-Тауне двое мужчин наблюдают тот же самый водоворот дождя вокруг уличных фонарей на пустынном тротуаре. Пора идти, говорят они. На поезд. В ресторан. К человеку, который сидит там в ожидании. И уходят.

Они приезжают с опозданием почти на три четверти часа. Им это почему-то кажется забавным. Они неправильно рассчитали время, необходимое, чтобы употребить четыре пинты пива, а затем почти через весь город добраться до места. Вместо того чтобы начать свое мероприятие в баре на пару часов раньше, они вышли оттуда всего за десять минут до назначенного срока. Что еще хуже — они навеселе. В ресторане ситуация разворачивается не лучшим образом.

— *Опять* опаздываешь? — саркастически осведомляется человек, который их ждал. — Так ничему и не научился, верно?

Реакция столь же яростна, сколь и незамедлительна — все столетней давности обиды выливаются в одной единственной категоричной фразе. Один из новоприбывших, тот, который более subtilной комплекции, разворачивается и уходит из ресторана. Это — сын. Но перед тем, как выйти, он бросает через плечо несколько тщательно подобранных слов.

Вот таков он, этот человек. Еще несколько минут назад, мчась на запад в поезде метро, он предвкушал тихий праздничный ужин в обществе отца и лучшего друга. А теперь под стылým декабрьским небом в одиночестве бежит по тротуару обратно к станции метро. Промокший до нитки и промерзший до костей, потому что забыл взять пальто. Забавно, как быстро все может измениться.

Добравшись до станции, человек по-прежнему кипит от гнева. Несколько минут он стоит перед турникетом, пытаясь опреде-

лить, куда идти дальше, и думает, что никаким калачом его не заманят назад в тот ресторан. Станционный зал ярко освещен, и вокруг ни души. Но тут с улицы доносится звук приближающихся шагов. Вдруг из ниоткуда возникает толстяк. Он изо всех сил бежал за человечком от ресторана и теперь, резко остановившись и тяжело дыша, прислоняется к колонне у входа. Человечек отходит в сторону.

— Подожди! — говорит толстяк, наконец отдышавшись.

Человечек и бровью не ведет.

— Даже не думай, — произносит он, проводя ладонью у себя над головой. — Я уже вот докуда сыт этими его ехидными замечаниями!

— Да подожди же! — повторяет толстяк.

Человечек злится еще сильнее.

— Послушай, — говорит он, — не трать зря время. Хочешь — иди обратно к нему. Иди в ресторан. Вообще, иди куда хочешь. Только сгинь с глаз моих!

Толстяк боится, что человечек сейчас его просто ударит.

— Хорошо, — отвечает он. — Хорошо. Но прежде, чем я уйду, позволь мне сказать хоть одно слово?

Молчание. Светофоры на перекрестке у станции, переключаясь на красный, окрашивают струи дождя в малиновый цвет.

Только чтобы избавиться от собеседника, человечек уступает.

— Ладно уж, — мрачно произносит он. — Говори, что хотел.

В эту секунду, когда двое — толстяк и маленький человечек — смотрят друг на друга сквозь воображаемый барьер, наступает момент истины. Человечек замечает, что у толстяка на пальто не хватает пуговицы, а его шерстяная шапка с помпоном валяется в луже неподалеку. А ведь он летел сюда сломя голову, думает человечек. От ресторана до станции. И затем вспоминает, как толстяк однажды сказал, что эту шапку ему связала мать на Рождество.

Толстяк протягивает обе руки — жест беспомощности или открытости, а возможно, и того и другого.

А затем говорит...

«Когда ты в последний раз видел, чтобы я бежал?»

Человечек открывает рот, но слова застревают в горле. Его вдруг охватывает волнение. Дело в том, что толстяк весит около 176 килограмм. Хотя они дружат уже довольно давно, человечек никогда не видел, чтобы толстяк куда-нибудь бежал. Хотя в роли бегуна он даже забавен. На самом деле, по его собственному признанию, ему и ходить-то непросто.

Чем больше человечек размышляет об этом, тем труднее ему подобрать ответные слова. И он чувствует, что гнев его отступает.

Наконец, он выдавливает: «Ну, никогда».

Молчание. Потом толстяк протягивает ему руку.

«Тогда пойдем, — говорит он. — Пойдем назад». И они уходят.

Когда они возвращаются в ресторан, человечек с отцом просят друг у друга прощения и втроем, слегка помудревшие, а может быть, и впрямь достигшие мудрости, мужчины садятся, чтобы наконец-то поужинать вместе. Со второго захода. Никто не говорит о чуде, но они абсолютно уверены, что именно это и произошло. Толстяк потерял пуговицу. И шерстяная шапка, которую вязала его мать, уже никогда не будет прежней. Но где-то там под дождем, на ветру и в холоде каким-то непостижимым образом он обменял все это на нечто более важное.

Ничто на свете, думает человечек, никакие уговоры, никакие увещевания там, на станции метро, не могли заставить его вернуться в ресторан. И никаким калачом его туда было не заманить. Однако именно этого добился толстяк — всего лишь несколькими простыми словами. Словами, пришедшими из самой глубины души:

«Когда ты в последний раз видел, чтобы я бежал?»

Так или иначе, но в разгар той сумеречной лондонской зимы толстяк сумел призвать немного солнца.